

БОРИС ДАНИИЛОВИЧ ЭЛЬКОНИН

Заведующий Лабораторией теоретических и экспериментальных проблем психологии развития Психологического института РАО.

Доктор психологических наук, профессор.

Главный редактор журнала
«Культурно-историческая психология».

Постоянный автор журнала.

E-mail: belconin@bk.ru

УДК 159.922.6

СОВРЕМЕННОСТЬ И ВОЗРАСТ*

Статья посвящена актуальной теме современного детства и его месту в истории детства. Гипотетически заданы основные конфликты-переходы современности, прямо относящиеся к онтогенезу. Высказана гипотеза о том, что сутью современного детства является завершение складывания старшего подросткового и раннего юношеского периодов онтогенеза.

Ключевые слова: возраст, детство, онтогенез, переход.

Boris D. Elkonin

MODERNITY AND AGE

Article is devoted to the actual topic of modern childhood and his place in the history of childhood. Hypothetically, given the major conflicts-transitions of modernity, directly related to ontogenesis. Hypothesized that the essence of modern childhood is the completion of folding late adolescence and early adolescence ontogenesis.

Key words: age, childhood, ontogenesis, transition

1.

Периоды детства, по Д. Б. Эльконину, имеют историческое происхождение. Соответственно, характерная для данного исторического периода последовательность возрастов — переходящий тип становления человека. Новые периоды онтогенеза возникают в эпохи масштабных цивилизационных сдвигов. Так, согласно Д. Б. Эльконину, ролевая игра и соответствующий возраст возникли в эпоху так называемой неолитической революции — перехода к земледелию и оседлому образу жизни. Радикально изменились объекты, результаты и средства деятельности, а также формы людских общностей. Существенно, что новый период не надстраивался над уже возникшими, а встраивался в течение одного из них, как бы разбивая его на две части, которые впоследствии, оставаясь типологически подобными, получали разное «содержимое» (раннее детство как обучение элементарному самообслуживанию и школьный возраст как обучение культурным навыкам). Такова гипотеза Д. Б. Эльконина [Эльконин Д. Б. 1989].

В соответствии с этой гипотезой была выдвинута гипотеза об исторических кризисах детства и о том, что современность — переживание подобного кризиса [Эльконин Д. Б. 2010: 57–82]. Понятно, что это *гипотезы* и их принятие-непринятие являются позицией, а не фиксацией непосредственной достоверности.

2.

Разговор об истории и культурно-антропологическом сдвиге уместно предварить вопросом о том, формы **чего** меняются, т. е. найти «точку отсчета» изменений. Ответ на этот вопрос в том духе, что меняются формы труда и, в первую очередь, его технологические реалии, на мой взгляд, отражает несомненную, но вторичную реальность, если, конечно, не предполагать, что формы труда самодовлеющи и самоценны, а не суть способы построения и утверждения чего-либо иного.

Вслед за М. Хайдеггером я полагаю, что исходной и вечной (онтолого-антропологической) проблемой является вопрос о Со-Бытии как вопрос о сопричастности Бытию сущего — присутствию, который феноменально выступает как вопрос о месте в Мире. Определенные формы деятельности суть способы занятия этого места. Соответственно, цивилизационный кризис в его онто-антропологическом измерении — это переход, потеря-обретение форм присутствия или потеря-обретение *своего* мира. Потеря-обретение «своего», понятая в культурно-историческом залоге, есть потеря и пересоздание культурных образов и метафор *уместности действия*, т. е. образов и метафор его *вызова* (образов героя и подвига, границ миров и др.), и вместе с ними — потеря и пересоздание образцов «правильного» поведения. Подобные потери — суть требования к де- или реконструкции смыслового начала действия. Например, в виде потерь-обретений идентичности действующего.

Так, известный современный философ истории Ф. Р. Анкерсмит полагает, что «травма» потери исторической идентичности является необходимым условием обретения языка исторического описания, т. е. языка задания места современности в истории [Анкерсмит Ф. Р. 2003; 2007]. Отмечу, что феномены подобных потерь и обретений очень наглядны в онтогенезе.

В соотношении с культурой и практикой предыдущей эпохи будет резонно предположить, что нынешний сдвиг в первую очередь касается уместности Мышления и Воли. Точнее, Мышления-Воли, понятых как источник становления Со-

знания до Самосознания. Мышление проблематизируется как «ось» становления бытия до своей полноты, где бытие как бы влито, «впаяно» в разворачивание своей схемы (понятия), в каковой и совершается тождество Мышления и Бытия (Гегель). Воля проблематизируется как энергия доведения бытия до полноты совершенства, т. е. правильной схемы (такое понимание в немецкой классической философии в развернутом виде у Ф. Ницше).

Современные философы критикуют («деконструируют») вертикальную (сверху вниз) устремленность культуры и власти (соответственно, и образования), в которой, якобы, воссоздается мышление-воля, допущенную классиками как всеобщность (см. работы П. Бурдьё, Ж. Делёза и др.).

Дикие события первой половины прошлого века можно интерпретировать как завершение практик приведения жизни к действительности правильной схемы.

Итак, мышление-воля, взятые в их вертикальном измерении, т. е. как *идеальные формы* активности, противопоставленные ее «примитивному состоянию», не являются ее истоком. Что же тогда есть детское развитие, как оно связано с образованием и с каким образованием оно может и должно быть связанным?

Допущением всего сказанного является презумпция того, что современный сдвиг (впрочем, как и предыдущие) — **это сдвиг в поиске способов оформления и практического определения, т. е. задания места истоку человеческой активности.** Именно этот исток проблематизируется и должен становиться предметом специального «практического вчитывания» в отличие от практикования соответствия заранее и извне заданной норме. Тем самым проблематизируются сами акты включения в жизнь. При этом требование к нарождающимся социокультурным формам — стать способами, а не лишь нормативными заданиями такого включения. «Включение в...», т. е. «уместнивание», становится **первой проблемой.**

3.

О современном цивилизационном кризисе написаны тысячи страниц. Ряд симптомов этого кризиса имеет непосредственное отношение к теме возраста. Из этих «страниц» и из наблюдений за детской, отроческой и юношеской жизнью можно вычленить симптомы серьезного социального и культурного сдвига. Эти симптомы выглядят как переходные формы между разными «центрациями» мышления, действия, воли и власти, управления. Поскольку сам переход еще только совершается, то переходная форма выглядит как конфликт-конкуренция, т. е. граница, двух своих сторон.

Полагаю, что важно выделить следующие переходы:

- от правилосообразного исполнительного действия к пробно-продуктивному и, соответственно, от центрации на параметрах результата к представлению продукта и эффекта;
- от трудовой к игровой (пробно-испытательной) организации действия;
- от центрации на обеспечении индивидуального действия его опорами к центрации на обеспечение его поля посредством координации группового действия;
- от дисциплинарности к выразительности — сценированию продуктивности;
- от вертикальной корпоративности к сетевой соорганизации и, соответственно, к иным формам власти, управления, принятия решений;

- от личного общения к виртуальному;
- от мотива достижения к мотиву пребывания;
- от линейного пути совершенствования (например, карьеры) к проектному и «поливекторному» (по схеме, подобной графу), где шаг завершается открытием нескольких направлений движения (открытием пространства возможностей);
- от центрации на идентичности к центрации на аутентичности (от соответствия принятому — к соответствию своему);
- от критики знания (познания) к критике практик;
- от вертикальной организации культуры и власти к горизонтальному «продвижению возможностей» (одни учителя видят, как ученик «должен и ответственен», а другие — их меньшинство — как он «может и инициативен»);
- от развернутых форм письменной речи (например, эпистолярной) к свернутому устно-письменному синкрету со своей грамматикой и синтаксисом.

Забегаю вперед, отмечу, что почти все перечисленные переходы-конфликты похожи на конфликты подростково-юношеского этапа взросления.

Социокультурные основания мира, в котором перечисленные конфликты окажутся продуктивными, есть *искомое* современной ситуации социокультурного, а скорее даже, антропологического сдвига.

К сказанному надо добавить, что последние 30–40 лет характеризуются явственными сдвигами психофизиологических механизмов созревания. Распространение новых синдромов (РДА, СДВГ), гетерохрония созревания разных отделов нервной системы (ММД), многочисленные речевые расстройства тому свидетельства. Можно рассуждать в том роде, что, дескать, эти симптомы не сейчас появились, а становятся общественным явлением вследствие большего внимания социума к детству, да и вообще к приватной жизни индивида. Но ведь это и является свидетельством сдвига общественного внимания и сдвига фокусов социокультурного обеспечения развития человека.

На мой взгляд, перечисленные сдвиги и конфликты суть конфликты включения человека в мир и, в частности, конфликты вовлечения в образовательный процесс.

4.

Гипотеза об историческом происхождении возрастов требует указаний на то: а) как изменяется характер человеческой производительности; б) какой новый возраст возникает; в) куда он «вклинивается» на карте онтогенеза.

А. Новый труд (действие) есть по преимуществу не производство отдельных вещей, а производство образов, знаков, проектов, программ, технологий. И именно производство, поскольку все эти «изделия» продаются и покупаются, т. е. включаются в поле обменов — рынок. Сказанное, по-моему, уже стало общим местом. Однако нетривиальным для возрастного психолога деятельностного направления здесь является то, что радикально меняется характер отношений между ориентировкой и исполнением, замыслом и реализацией.

Теперь схема действия и его замысел не столько предшествуют реализации, сколько испытываются и преобразуются в ней. Реализация (и соответствующая «реальность») есть не следование внешнему и предшествующему ей образу, а его образование и преобразование. И такова норма действия, а не его хороший или

плохой случай; норма действия, в котором адресованность его продукта (образа, проекта, программы и т. п.) является задачей, а не естественной данностью объемлющего поля его приложения, обустроенного вне самого действия. Опробование, испытание и внутреннее проигрывание оформляются как основные, а не лишь вспомогательные характеристики действия. Формальная результативность — измеряемая характеристика достижения — смещается в сторону продуктивности и сценирования этой продуктивности. На подобной «сцене» и само продуцирование выступает как испытание и ставка. Но ведь именно такой во все времена была социокультурная ситуация порождения и творчества. Однако сейчас эта ситуация, выйдя за пределы замкнутого круга гениев, размыкается как норма, а не эксклюзив производительности.

Новый тип действователя уже получил «народное» название «креативность» и с этим именем, похоже, накрепко вошел в подростково-юношескую среду и «массовую культуру», обрастая, правда, при этом облаком всякого рода отбросов. Видимо, именно так проходят культурные сдвиги.

Новые формы труда требуют для себя новых форм власти и управления. Это касается всех институтов, но в особенности образовательных. Управлять продуцированием можно лишь в совместном «прощупывании» поля действия, а не извне и сверху. Последнее невозможно просто потому, что продуцирование не имеет внешних образцов «правильного», т. е. заготовленных форм контроля.

Итак, способ включения человека в мир усложняется, и простого следования заданным образцам становится недостаточно. Мир обращается к человеку неявным заданием, а не образцом. Оформление *своего* мира и *своего* задания, причем не как отделенного от «общественного производства» и замкнутого в себе частного и частного мира, а как мира *своей* производительности и *своего* поля действия становится общим способом социальной жизни.

Пробно-продуктивному типу жизни необходимо найти адекватные культурные и социально-институциональные формы *общественного утверждения*, т. е. оформить его всеобщность и нормативность. Уже ведется и еще предстоит серьезный пересмотр профессиональных, образовательных, корпоративных, управленческих стандартов. Их интрига заключается в институционализации действия как образа и поля *возможностей*, в его оформлении как предметности «могу». Такова основная социокультурная задача предстоящих лет, а может быть и десятилетий.

Б. «Ответом» на вызов новых производительных форм является становление нового культурного возраста, в котором этот вызов может быть проигран, испытан и в результате образован опыт нового типа действия и социальной презентации. Таков, по моей гипотезе, новый юношеский (возможно, и подростково-юношеский) возраст. При нарождающемся обновлении формы действия юношество уже не может быть возрастом «профессиональной подготовки» в ее ориентировочно-знаниевом виде, предполагающем последующий исполнительско-результативный вид. Новый труд требует проигрывания-проживания своего пути как своего «могу». Вызовы подростка, связанные с принятием и утверждением «Я» как истока собственных жизненных замыслов, т. е. истока собственной осмысленной Воли, должны пройти испытание на создание поля возможных реализаций. Такими полями могут быть секс, различные «творческие проекты» (музыка, реклама, журналистика), всевозможные виды дизайна (прическа, платье, помещение и др.), политическое действие. Существенно при этом, что подобные

действия должны быть осмыслены как *проект-испытание себя-могущего* и в этом ответственны и рискованны. Воля и Мышление из «вертикали» предуготовленных в своей недостижимости Ценностей и Образцов переходят в «горизонталь» устройства жизнестановления. Переходят, теряя старые превращенные формы (отделенные от бытия и противопоставляющие ему значимости) и обретая новые («проекты» и «креативность» везде и всюду), в которых превращена *форма продуктивного действия*.

Необходимо специально подчеркнуть, что гипотеза о новом, пробно-продуктивном характере культурно потребного действия требует поправок к пониманию культурного образца. Дело уже не в том, что должны возникнуть новые нормативы при «старом» способе их трансляции и «проекции» в детскую жизнь — проекции сверху вниз. Дело в том, что *образцовым* становится достаточно рискованное *собой-опробование-испытание* образца или, точнее, некоего содержания в функции образца. Рискованным постольку, поскольку внешне заданные опоры подлежат отрицанию в качестве внешних, и вместе с ними подлежат отрицанию заданные и «предоставленные» границы поля действия. То, что ранее было необходимым *моментом* возрастного движения, становится его *доминантой*. «Обряд инициации» становится сквозной осью онтогенеза с той поправкой, что теперь этот обряд инициируется и окультурируется тем «культурным взрослым», который культивирует и презентует его как способ своей собственной жизни.

Примечательно, что из приведенного взгляда на новое подростничество-юношество почти вся современная массовая культура выглядит как юношеская, в которой между проектом и его реализацией нет большого «расстояния» и реализация не требует Кембриджа и консерваторской исполнительской изощренности. Также выглядят и некоторые черты моды, где подчеркнута аутентичность и своеобычность человека. Собственный облик оформляется как презентуемый продукт (кстати, возможно, с этого и начинается «зрелое» подростничество). Создается впечатление, что многие «взрослые» формы отображают (списывают) и усиливают, т. е. экранируют, черты подростково-юношеского поведения. Но, возможно, такова специфическая черта исторических кризисов детства, в которых взрослые, теряя в новом виде производительности образцы «правильного» и вместе с ними свою идентичность взрослых, ритуализируют черты нарождающегося детского поведения, и все сообщество, за исключением увядающих мудрецов, выглядит как (бывшее) подростковое и «полудетское»¹.

Сказанное суть *гипотезы о доминирующей тенденции*, и требуется их исследовательская проверка.

В. Возможны две гипотезы о включении нового возраста в онтогенез.

Первая состоит в том, что новое юношество встраивается между двумя фазами современного подросткового возраста (13–14 лет). При этом первая фаза в своем содержании остается той же [Эльконин Д. Б., Драгунова Т. В. 1967] и лишь на год-полтора сдвигается ее нижняя граница. Вторая фаза (почти не изученный возрастной этап) преобразуется в освоение поля «могу» и продуцирование (на своем облике, в разных видах доступного дизайна и разных видах «символизаций» себя и своего сообщества). Важно отметить, что здесь речь уже идет не про-

¹ Сказанное коррелирует с содержанием известных работ М. Мид (см., например: Мид М. Культура и мир детства. — М.: Наука, 1988).

сто о личном общении и вызове взрослым. Общение здесь может оформляться в различных объединениях, имеющих свои символы и ритуалы, а это уже определенное продуцирование — продуцирование идентичности или аутентичности. Понятно, что подобное продуцирование также является вызовом и требованием утверждения, однако в основе вызова находится собственное задание, определенный продукт и его сценирование. Видимо, такова первая фаза нового юношества. Предположение о второй фазе можно делать с очень большим риском выдумывания «из головы», так как нет вовсе никаких данных, кроме фактов опосредствования институционально-образовательного перехода (ЕГЭ, вуз и пр.).

Вторая гипотеза состоит в том, что все сказанное о первой фазе юношества на самом деле есть завершение многолетней истории становления подросткового возраста, который вклинился в постепенно эволюционирующее обучение (от «младшего» к «старшему» школьному возрасту). Продуцирование и сценирование идентичности-аутентичности — это культурное содержание подростничества. И тогда содержанием юношества должно стать освоение-испытание опор, средств построения своего поля продуцирования. В таком случае юношеский возраст выходит далеко за пределы школы, а юношеское действие входит в кричащее противоречие с современными замшелыми формами образования, где отсутствует реальность поля действия, продуцирования и реальность инициации «своего».

Выбор из представленных гипотез или их синтез — дело дальнейших исследований.

Литература

Анкерсмит Ф. Р. 2003. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Анкерсмит Ф. Р. 2007. Возвышенный исторический опыт. — М.: Европа, 2007.

Эльконин Д. Б., Драгунова Т. В. 1967. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. — М., 1967.

Эльконин Б. Д. 2010. Опосредствование. Действие. Развитие. — Ижевск: ERGO, 2010.

Эльконин Д. Б. 1989. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989.